

СИСТЕМА ПОЛЕЙ У РИМЛЯН ПО ТРАКТАТАМ ЗЕМЛЕМЕРОВ¹

Проф. Н. П. Грацианский

С точки зрения официального государственного межевания все земли Римской империи подразделяются землемерами на три разряда. «Agrorum qualitates sunt tres,—читаем мы у Фронтинна,—*una agri divisi et adsignati, altera mensura per extremitatem comprehensi, tertia arcifinii qui nulla mensura continetur*». (Front. 1, 3). *Agri divisi et adsignati*, как показывает самое их название, не только измерены, но и разбиты на участки для наделения ими поселенцев и других граждан. *Agri mensura per extremitatem comprehensi* измерены, но не подразделены на участки (Front., 4, 3). Наконец, *arcifinii agri* совсем не измерены: указаны лишь природные их рубежи или границы—деревья, ручьи, овраги, холмы и т. д. (Isidori у Lachmann'a, 369, 15. Ср. Front., 5, 6). Естественно, что мы не можем говорить о римской системе полей на *agri* (особенно на провинциальных *agri*) второго и третьего рода, поскольку они не *divisi* по римскому способу. Это главным образом храмовые земли (Hug. Grom., 198, 7) и земли «стипендиарных» общин², которые сообщали вносили государству определенные *stipendia* (*ager per extremitatem mensura comprehensus*), а также земли, числившиеся *ager occupatorius* (*ager arcifinius*). Римская система полей с несомненностью устанавливалась лишь на *ager divisus et assignatus*, который как раз и был результатом того свое-

¹ Важнейшим материалом о римской системе межевания полей являются, как известно, трактаты римских *agrimensores*, преимущественно тех, которые жили и действовали в эпоху расцвета римского землемерного искусства при Домициане и Траяне. Из них наиболее прославились Фронтинн, Сикул Флакк, Гигин и Вальб. Известно что трактаты землемеров в подлиннике до нас не дошли и сохранились у позднейших эпитоматоров, испортивших их своими варварскими компиляциями. Сочинения землемеров мы имеем поэтому со многими интерполяциями и искажениями, чрезвычайно затрудняющими их изучение. Мы пользуемся трактатами *agrimensores* в старом издании Lachmann'a (1848 г.), снабженном обильными критическими примечаниями Лакмана, Блюме, Моммзена и Рудорфа: «Die Schriften der Römischen Feldmesser». Herausgg. und erläutert von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudorff, B. 1—2, Berlin, 1848—52. Первый том содержит текст, а второй объяснения к нему. В дальнейшем при ссылке на того или иного землемера мы указываем его имя и затем страницу и строки I тома названного издания. Мы имели также под руками новое издание *agrimensores* в Bibliotheca Teubneriana (*Corpus agrimensorum Romanorum. Recensivit Carolus Thulin, vol. 1, fasc. 1. Opuscula agrimensorum veterum. Lipsiae, 1913*). Мы пользуемся этим новым изданием и делаем на него ссылки в тех случаях, когда в нем дается лучшее чтение текста.

² Fr o n t., 4, 3. В данном случае государственная казна не была заинтересована в точном определении размеров и отмежевании участков отдельных собственников, так как они не несли обложения в индивидуальном порядке.

образного способа межевания; которому посвящены трактаты землемеров. Этот способ межевания выступает у землемеров в двух формах: во-первых, в форме центуриации (*ager limitatus*), во-вторых, в форме стригации и скамнации (*ager per strigas et scamna divisus*). Остановимся прежде всего на технике центуриации, которую землемеры возводят к глубокой древности и склонны даже приписывать ей божественное происхождение¹. Техника эта сводится к следующему. Отграничивши подлежащую межеванию территорию с четырех сторон прямыми линиями (*Front.*, 33, 7), землемер прежде всего прорезал ее двумя основными, перекрещивающимися друг с другом рубежами; один из них, имевший направление с востока на запад, назывался *decumanus* (или *decimanus*) *maximus*, другой, имевший направление с юга на север, назывался *cardo maximus* (*Front.*, 28, 6). Не всегда, впрочем, эти направления строго соблюдались. На практике землемеры часто ориентировались, применяясь к условиям местности, в любом направлении². *Decumanus maximus* разделял поле на правую и левую половины (*dextra et sinistra*), *cardo maximus*—на верхнюю и нижнюю половины (*citra et ultra*) (*Front.*, 28, 9). Таким путем измеряемая квадратная площадь поля подразделялась крестом на четыре четверти—*dextrata*—*citrata*, *sinistrata*—*citrata*, *dextrata*—*ultrata* и *sinistrata*—*ultrata*. Параллельно двум главным делителям и на определенном расстоянии от них (обычно через каждые 240 десятифутовых пертик или 20 линейных актусов) проводились второстепенные делители, тоже называемые *decumani* и *cardines*. Те рубежи, которые шли параллельно *decumanus maximus* с востока на запад, назывались *decumani* или *limites prorsi*, а те, которые шли с юга на север,—*cardines* или *limites transversi*³. Первые связаны с делениями *dextrata* и *sinistrata*, вторые—с *citrata et ultrata*. В результате всей этой операции поле делилось на квадратные клетки—так наз. центурии, по большей части по 200 югеров, или 400 актусов, в каждой. *Actus*—основная единица деления поля. Это квадрат, каждая сторона которого равна 12 десятифутовым пертикам; всего в квадрате 144 кв. пертики. Линия в 120 ф., по объяснению Колумеллы, представляет собой длину борозды, проводимой зараз плугом с тем, чтобы не переутомлять волов (*Colum.*, 2, 2, 27), а самый актус, по Плинию, есть площадь поля, вспаханная волами за один раз, без переутомления их (*Plin.*, N H, 18, 3, 3). Два актуса составляют югер. Ширина югера та же, что и актуса—120 футов, длина двойная—240 футов⁴. 200 югеров, как уже было сказано выше, составляют нормальную центурию. Свое название центурия, по объяснению грамматиков и землемеров, получила от того, что в древнем Риме, при господстве двухъюгерного надела, она отводилась сотне воинов, т. е. солдатской центурии. «*Centuria*,—читаем мы у Феста,—*in agris significat ducenta jugera, in re militari centum homines... Centuriatus ager in ducenta jugera definitus, quia Romulus centenis civibus ducenta jugera tribuit*»⁵. «*Centuriis*,—говорит Сикул Флакк,—*vocabulum datum est ex eo. Cum antiqui [Romanorum] agrum ex hoste captum victori populo per bina jugera partiti sunt, centenis hominibus ducentena jugera dederunt*»⁶. Впрочем, центурия не всегда имела 200 югеров, а иногда больше. «*Centuriae autem*,—

¹ Н у г., 169, 14: «*secundum antiquam consuetudinem limites diriguntur*». Ср. 166, 4: «*est enim illi origo caelestis*».

² См. примеры в «*Lib. coloniarum*», 209 сл. Ср. Schulten, *Die römische Flurtheilung und ihre Reste. Abh. d. Königl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Philol.-Hist. Klasse. N. F.*, т. II, 1897—1899, стр. 10.

³ *Front.*, 29, 7. Ср. Н у г. *Grom.*, 167, 15.

⁴ *Isidori*, 367, 26. Ср. *Balbus*, 95, 8.

⁵ *Festus*, verba «*centuria*» et «*centuriatus ager*» у *Brunns*, *Fontes juris Romani*.

⁶ *Sic. Fl.*, 153, 26. Ср. *Agg. Urb.*, 2, 14.

говорит Сикул Флакк, — non per omnes regiones ducenta jugera obtinent, in quibusdam ducenta dena, quadragena»¹. В первом случае она представляла собой прямоугольник со сторонами в 21 и 20 актусов, во втором случае — со сторонами в 24 и 20 актусов. Мы имеем конкретные примеры центурий еще большего размера (Hug., 170, 19). Итак, наряду с правильными квадратными центуриями как общепринятым типом межевания этого рода встречались и прямоугольные, причем даже нормальные 200-югерные центурии могли быть неквадратной формы: по словам Сикула Флакка, в Беневенте центурии нарезались со сторонами в 25 и 16 актусов, «qua mensura jugera ducenta quidem includuntur, centuriae quadratae non exprimentur»².

Прямоугольные центурии представляют собой как бы переход от центуриации к другой форме межевания *ager divisus et assignatus*, именно стригации и скамнции. Результат этого межевания — стриги и скамны (т. е. полосы и скамьи) представляют собой не квадраты, а всегда прямоугольники той или другой формы. Характерная особенность стригации-скамнции, впрочем, не в том, что она делит поле на прямоугольники, а в том, что при проведении параллелей к главным делителям — *decumanus maximus* и *cardo maximus* — время от времени эти параллели прерывали и продолжали их снова через некоторый промежуток. В результате получались равные прямоугольники, у которых одно из двух измерений вдвое превышало другое. При этом, если прямоугольник имел направление с севера на юг, он имел вид полосы и потому именовался *striga*, а если он шел с запада на восток и был как бы в лежачем положении, имея вид скамьи, его так и называли скамьей — *scamnum*³. В одном и том же поле скамьи обычно чередовались со стригами (Hug. *geom.*, 206, 11), причем величина тех и других, повидимому, была одинакова и равнялась величине центурии, т. е. приблизительно 200 югерам⁴. С технической стороны разница между центуриацией и *per striga et scamnas divisio*, между прочим, выражалась в том, что здесь налицо были только 1 *decumanus* и 1 *cardo*, прочие же *decumani* и *cardines* отсутствовали: они заменялись параллельными (по отношению к *decumanus* и *cardo*) рубежами (не сплошными), которые носили наименование *rigores*. Разница эта, однако, не является принципиальной: и в первом и во втором случаях перед нами выступает *ager divisus et assignatus*.

Чем все же объясняется то обстоятельство, что в одних случаях этот *ager* размежеван на квадратные центурии, а в других случаях на прямоугольные скамьи и полосы? По мнению Вебера⁵, тот или иной способ межевания земель когда-то соответствовал правовому их положению, в частности центуриация была характерна для земель, передаваемых в полную собственность и свободных от обложения (*immunes*), а *scamnatio et strigatio* характерны для всех земель, передаваемых только в пользование и подверженных обложению. Вебер ссылается в данном случае на Гигина Громатика, который, говоря об *ager vectigalis*, замечает: «multi hujus modi agrum more colonico decimanis et cardinibus diviserunt, hoc est per centurias, sicut in Pannonia: mihi [autem] videtur hujus soli mensura alia

¹ Sic. Fl., 159, 9. Cp. Front., 30, 18.

² Sic. Fl., 159, 23. См. подобные же приметы в «Lib. coloniarum», 209, 10—Veliensis. Actus n(umero) XVI per XXV; 209, 19 — Ager vivonensis. Actus n(umero) XVI per XXV.

³ Hug., 110, 2. Cp. Front., 3, 2; Hug. *Geom.*, 206, 7; Nipsius, 293, 11.

⁴ Таково мнение Моммсен⁴, Zur römischen Bodenrecht. «Hermes», XXVII, 99. сл. Фигуры у землемеров, наоборот, говорят о неравенстве *strigae* и *scamna* в одном поле. Однако, возможно, что эти фигуры искажены позднейшими компиляторами.

⁵ Weber, Die römische Agrargeschichte. Stuttgart, 1891, стр. 27.

ratione agenda. Debet [enim aliquid] interesse inter [agrum] immunem et vectigalem (Hug. Grom., 205, 1). Таким образом, Гигин Громатик характеризует центуриацию как *mos colonicus*, т. е. как такой способ межевания полей, который специально практиковался при выводе колоний, и решительно не одобряет применение этого способа при межевании *agri vectigales* в провинциях. Однако уже из приведенного пассажа Гигина Громатика видно, что в его время центуриация применялась и при межевании *agri vectigalis*. Другие памятники императорской эпохи говорят о том, что *scamnatio* и *strigatio* практиковались не только при измерении податной земли, но и при выводе колоний. Так, например, Фронтин определенно говорит о применении этого последнего способа межевания в колонии *Suessa Arunca* в Кампании (Front., 2, 1). О таком же способе межевания в колониях говорят *Libri coloniarum*¹. Моммзен, принимая мнение Вебера, считает, что все примеры подобного рода являются исключениями, которые лишь подтверждают общее правило². Однако более правдоподобным нам представляется мнение Бодуэна, который применение того или иного способа межевания при выводе колоний просто объясняет своеобразием местных топографических условий. Обычный и старинный способ межевания колониальной земли, говорит Бодуэн, вне всякого сомнения, центуриация, так как при выводе колоний в точности воспроизводилась процедура основания Рима, а эта процедура представляла собою центуриацию. Но когда поверхность и вообще характер почвы не давали возможности размежевки ее на правильные квадраты, *agrimensores* практиковали *scamnatio* и *strigatio*³. Между прочим, не надо забывать того, замечает Бодуэн, что *ager colonicus* нарезался исключительно из культурных земель, невозделанные же земли всякого рода межеванием не затрагивались. Но могло быть так, что при выводе колонии на ее территории было как раз много таких диких некультивированных зон, которые мешали разделению поля на правильные квадраты и заставляли поэтому применять, сообразно характеру почвы, деления на скамьи и полосы. Итальяские земли, продолжает Бодуэн, полемизируя с Вебером, *immunes* не потому, что они колонии, и не потому, что они подвержены центуриации, а единственно потому, что они лежали в Италии, итальяские же земли с конца республики все были *immunes* как таковые. С другой стороны, провинциальные колонии, за немногими исключениями, все платили налоги, а между тем земли всех известных нам провинциальных колоний были размежеваны путем центуриации. Следовательно, центуриация сама по себе никогда не была признаком того, что размежеванная с ее помощью земля являлась *immunis*, и наоборот, *strigatio-scamnatio* никогда не была такого рода межеванием, которое применялось исключительно к землям, подверженным обложению⁴. Соглашаясь с этим мнением Бодуэна, заметим, что если верить данным *Libri coloniarum*⁵ при межевании колониального поля иногда употреблялись центуриация и *strigatio* одновременно. Отсюда такие выражения *Libri coloniarum*, как «*ager per strigas et scamna in centuriis assignatus*», или «*ager per centurias et scamna assignatus*»⁶.

¹ См. «*Libri coloniarum*» у L a c h m a n'a, 255, 17; 257, 26; 259, 17 и др.

² M o m m s e n, op. cit., стр. 85—86.

³ В e a u d o u i n, La limitation des fonds de terre dans ses rapports avec le droit de propriété, N. R. H. de droit XVII, 1893, стр. 579.

⁴ В e a u d o u i n, op. cit., стр. 577—578.

⁵ Моммзен отметил, что «*Libri coloniarum*» содержат массу несомненных ошибок и позднейших интерполяций. См. кроме op. cit., p. 85, n. 2, также «*Italische-Burgenkolonie*». «*Hermes*», XVIII, стр. 173—180. В частности Моммзен считает («*Hermes*», XVII, стр. 85, n. 2), что все упоминания «*Lib. coloniarum*» о *strigatio* и *scamnatio* в колониях — позднейшая интерполяция.

⁶ «*Libri coloniarum*», 255, 17. Ср. 257, 5.

Размежеванная, т. е. разбитая на квадратные клетки или на прямоугольные полосы земля заносилась землемерами на план или карту—так наз. *forma*, которая изготовлялась из меди¹. При этом делители играли роль современных меридианов и параллелей и давали возможность легко определять по плану соответствующую местность: для этого достаточно было отсчитать в ту или иную сторону линии от главного *decumanus*'а (что соответствовало современной долготе) и от главного *cardo* (что соответствовало современной широте). Например, центурия, лежавшая за третьим *decumanus*'ом, вправо от главного делителя, и за вторым *cardo*, выше главного *cardo*, определялась так: *dextra decumanum tertium ultra kardinem secundum*, сокращенно: D. D. III. U. K. II. Центурия, лежавшая за десятым *decumanus*'ом, налево от главного делителя и за пятым *cardo*, ниже главного *cardo*, обозначалась так: *sinistra decumanum decimum citra kardinem quintum*, сокращенно: C. D. X. C. K. V (Нуг., III, 17).

Операция межевания, будет ли то *per centurias limitatio*, или *per strigas et scamna divisio*, никоим образом не есть *assignatio* земли, а только приготовление к ней. Землемеры строго различают *divisio* и *assignatio* земель, подчеркивая самостоятельный характер этих двух операций. «*Divisi et assignati agri,—говорит Сикул Флакк,—non unius sunt condictionis. Nam et dividuntur sine assignatione, et redduntur sine divisione. Dividuntur ergo agri limitibus institutis per centurias, assignantur viritim nominibus*» (Sic. Fl., 154, 9).

Самая центурия (а также скамья и полоса) есть не хозяйственная, а межевая единица, подвергающаяся при ассигнации разделу. О принципах этого раздела при выводе колоний и наделении землею *viritim* (по мужам) землемеры говорят очень отчетливо. Гигин изображает практику раздела при выводе колоний следующим образом. В поле образуются жеребьевые участки (*sortes*), для каждой десяти поселенцев по участку, причем группы этих поселенцев образуют особые десятки (декурии). Каждая декурия обозначается одним именем, и это имя пишется на жребии. Затем производится жеребьевка: на каждый вынутый жребий приходится определенный жеребьевый участок, который потом разбивается на наделы (*ассертае*), получаемые отдельно каждым членом декурии (Нуг., 113, 1). Такая операция, по Гигину, производилась во избежание жалоб на то, что один получил землю хуже, а другой лучше². По Сикулу Флакку, не все поселенцы получали равные наделы (*ассертае*), но каждый сообразно своему воинскому званию: офицеры получали вдвое больше, нежели простые солдаты (Sic. Fl., 156, 9). С другой стороны, при нарезке наделов принималось во внимание качество почвы: земля с лучшей почвой давалась в меньшем количестве, и наоборот (Sic. Fl., 156, 13). Так обстояло дело при выводе колоний. При наделении землею «по мужам» (*viritim*) раздел производился несколько по-другому. Гигин Громатик говорит о наделении в таком случае целой центурией каждой трех человек, причем три имени писались на одном жребии, центурии распределялись между тройками жеребьевкой, и затем производился дележ центурии внутри тройки на равные доли (Нуг. Grom., 199, 14). Имена собственников, которые ввиду раздела между ними жеребьевых участков называются *consortes*³, заносились на план в соответствующей центурии, где они получали землю, с точным указанием количества югеров и *species* почвы (полей, виноградников, лугов, лесов и проч.) в наделе каждого. До нас дошел мраморный обломок плана колонии Orange, в Нарбонской Галлии, выве-

¹ См. L a c h m a n n, 14, 10; 77, 3;

² «Corpus agrimensorum Rom.», 73, 20.

³ См. L a c h m a n n, 271, 15. Ср. N i p s i u s; 289, 18;

денной в 708 г. (46 г.) Лицинием Крассом. На плане ясно читаются имена собственников, с обозначением их участков, именно:

Varius Calidus XX iugera...
Apulei Paula XLII iugera...
Valerius Secundus IV iugera...¹

План не современен *deductio* колонии; он относится ко II в. и перечисляет собственников этого времени. Между ними, как видим, наблюдается большое имущественное неравенство, которое, впрочем, обычно наблюдалось и при самом выводе колоний, по крайней мере в императорскую эпоху².

Получаемый тем или иным поселенцем участок (*ассерта*) необязательно лежал в одной центурии. По Гигину Громатику, он мог обнимать части двух, трех и более центурий. При этом у Гигина приводится пример, когда *ассерта* в 66 югеров разбросана частями по трем центуриям—в одной центурии 6, в другой 15 и в третьей 45 югеров (*Hug. Grom.*, 204, 7). Подобную же практику вскрывает Фронтин, когда говорит, что какой-нибудь L. Titius три четверти своего надела может иметь в одной центурии, а одну четверть—в соседней центурии³. Оба эти текста Гигина Громатика и Фронтиня Допш привлекает для доказательства того, что система полей у римлян ничем не отличалась от системы полей у древних германцев, характеризующейся, по его мнению, господством чересполосицы с геваннами⁴.

Чтобы решить чрезвычайно важный вопрос о том, господствовала ли в римской деревне чересполосица с конами (геваннами) или же, наоборот, для римской системы полей более типичны сплошные владения, обратимся прежде всего к рассмотрению системы дорог, устанавливаемой в *ager divivus et assignatus*.

Моммзен в своей известной статье «*Zum römischen Bodenrecht*»⁵ особенно настаивает на том, что вся рассмотренная выше деятельность римских землемеров по межеванию полей имела основной своей целью устройство такой дорожной сети в полях, которая давала бы каждому поселенцу возможность свободного доступа со стороны общественной дороги к его лежащему в одной меже участку. Также и Вебер держится того мнения, что проводимое землемерами межевание в сущности представляло собой процесс округления полей и создания сплошных владений. Римский *ager privatus*, говорит Вебер, есть продукт сознательной аграрной политики, стремившейся создать для собственников все необходимые условия для полной свободы их хозяйственной деятельности и полной свободы распоряжения их недвижимостью. Эти сознательно проводимые порядки, ставшие на место прежнего *Flurgemeinschaft*, окончательно победили в эпоху появления законов XII таблиц, как результат борьбы плебеев с патрициями. Надо полагать, заключает Вебер, что именно плебеи, как мелкие и средние земельные собственники, добились свободной земельной собственности, уничтоживши лежащие на ней патримониальные и общинно-хозяйственные тяготы⁶. Изложенные мнения Моммзена и Вебера о характере расположения полей у римлян считались общепринятыми и не требовавшими дальнейших доказательств. Противоположное мнение Допша, вызванное его тенденцией сблизить римские и древнегерманские аграрные порядки, заста-

¹ *CIL*, XII, n. 1244 et add. 824. Ср. В е а u d о u i n, *op. cit.*, стр. 586 сл.

² См. конкретный пример в «*Lib. colon.*», 214, 10 («*Colonia Volaterrana lege triumvirali, in centuriis singulas iugera C. in quibus centuriis unusquisque miles accipit, iugera XXV et L et XXXV et LX*»).

³ «*Corpus agrimensorum Roman.*», 5, 18.

⁴ D o p s c h, *Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung*, t. I^a. Wien, 1923, стр. 341-42.

⁵ «*Hermes*», XXVII, 1892, стр. 79 сл.

⁶ Weber, *op. cit.*, стр. 105 сл., 114—117.

вляет пересмотреть вопрос и детально разобрать приводимые в пользу нового мнения доказательства.

Обращаясь к данным *agrimensores*, рисуящим дорожную сеть в *ager divisus*, отметим, что каждый *limes* (рубеж) центуриатного поля представлял собой определенной ширины общественную дорогу. «*Omnes enim limites,—читаем мы у Фронтинана,—secundum legem colonicam itineri publico servire debent*» (Front., 24, 6). «*Limites omnes,—говорит Гигин Громатик,—non solum mensurae sed et publici itineris causa latitudines acciperunt*»¹. Ширина главных делителей—*decumanus maximus* и *cardo maximus* в древности была установлена в 20 футов (Hug. Grom., 206, 9), но в императорский период расширилась еще больше²; из других *limites* каждый пятый *decumanus* и *cardo*, именовавшийся *actuarius* или *quintarius*, имел в ширину по 12 футов, прочие, именовавшиеся *linearis*, а в Италии *subruncivi*, по 8 футов (Hug. Grom., 168, 8). Внутри центурий общественных дорог не было, но зато там устанавливались дороги «*ex collatione privatorum*». Так обстояло дело с дорожной сетью при центуриации или лимитации. В *ager strigatus et scamnatus* был только один *decumanus maximus* и только один *cardo maximus*, прочие *limites* здесь отсутствовали и заменялись прерывавшимися параллельными рубежами—так наз. *rigores*. Мнение Вебера о том, что *rigores* в *ager scamnatus* являются, в противоположность *limites* в *ager limitatus*, простыми линиями³, основано, как это правильно отметил Моммзен⁴, на неверном толковании одного места из Бальба (98, 9), где *rigores* упоминаются не в смысле рубежей, отграничивающих отдельные скамьи и полосы, а в смысле линий, с двух сторон замыкающих ширину дороги. На самом деле, как это видно из одного пассажа Гигина Громатика (206, 7), *rigores* в *ager scamnatus* были такой же ширины, как и *limites linearis* при центуриации, и следовательно, каждая скамья и полоса, как и каждая центурия, со всех четырех сторон ограничивалась дорожью. Отличительная черта *scamnatio*, практиковавшаяся главным образом в провинциях (Front., 4 1), та, что при ней на межевой карте (*forma*) отдельные владения (очевидно, внутри прямоугольника) обозначались, по свидетельству Фронтинана (Front., 3, 1), рубежами двух ближайших владений—*per proximos possessionum rigores*, между тем как при центуриации этого не было: там просто отмечалось, в какой центурии (или в каких центуриях) лежало владение. Необходимо твердо помнить, что и при центуриации и при скамнании рубежи, которыми отграничивались квадраты и прямоугольники, отнюдь не являлись рубежами владений, обозначавшихся на языке землемеров специальным термином *fines*. Выше мы уже говорили, что при наделении землю поселенцев некоторые наделы могли лежать в нескольких центуриях (очевидно, также и в нескольких полосах и скамьях). Это отнюдь не делало владений чересполосными. Это только означало, что сплошные владения прорезались центуриатными и скамнатными рубежами—*limites* и *rigores*. Допш не учел или не хотел учесть данного обстоятельства, усмотревши в этой практике чересполосицу с геваннами (конами). Очень вольное обращение Допша с текстами особенно бросается в глаза при толковании им пассажа из Фронтинана (Front., 13, 7), где речь идет о *controversia de modo in agro adsignato*, причем предусматривается случай, когда один из собственников три четверти своего надела получает в одной центурии, а четверть в соседней центурии. Перед нами, говорит Допш, типичная

¹ Hug. Grom., 169, 11. Ср. Festus, v. limites (у Brunns, Fontes juri Romani). Boetius у Lachmann'a, 402, 12. Sic. Fl., 153, 6.

² «Corpus agrimensorum Roman.» (Hug. Grom.), 157, 9. Hug., 111, 12. Ср. «Lib. coloniarum», 212, 2.

³ Weber, op. cit., стр. 14—15.

⁴ Mommsen, op. cit. «Hermes», XXVII, стр. 82.

чересполосица, так как частички *sors'a* поселенца разбросаны¹. На самом деле никакой чересполосицы и разбросанности в данном случае нет. Доппш, очевидно, не докончил чтения разобранного им текста из Фронтинна, который в заключение гласит: «*huic enim universitati limes finem non facit, etiam si publico itineri serviat*». Фронтин, как видим, представляет себе дело совсем не так, как хочет представить его Доппш. Римский землемер хочет сказать, что *limes*, отделяющий одну центурию от другой, не обязательно является границей владения, даже если он представляет собой общественную дорогу—*via publica*. Для иллюстрации этого положения он приводит конкретный случай, когда граница владения—*finis*—заходит за эту дорогу, захватывая соседнюю центурию, что, конечно, несколько не нарушает компактности владения. О такой же практике свидетельствует Сикул Флакк. Отмечая случаи несовпадения дорог и границ владений (*fines*), он говорит: «*saepe trans viam aliquas possessores particulas habent*» (Sic. Fl., 145, 19). Яркой иллюстрацией к приведенным пассажам из Фронтинна и Сикула Флакка являются те места из землемерных трактатов, в которых говорится о запрещении посессорам изменять направление общественных дорог, прорезающих их владения².

Итак, землемеры решительно различают *limes*—границы центурий и *fines*—границы владений, которые могли совпадать, но могли и не совпадать друг с другом³. *Limes* и *rigor* могут прорезать сплошное владение, и, наоборот, *finis* может приходиться на середину центурии (также полосы и скамьи). Надо также отметить, что *limes* и *rigores* были только на *agri divisi et assignati*, *fines* же на всех полях без исключения (Sic. Fl., 151, 17). И если *limes* и *rigores* были определенной ширины дорогами, доступными всякому, то и *fines* были дорогами, но дорогами соседскими, не для общественного пользования. Еще законы XII таблиц установили известную ширину *finis* (Front., 37, 23), которая была определена с тем расчетом, чтобы каждый домохозяин при подъезде к своему участку и при работах в поле, особенно при пахоте, не тревожил соседа. Ширина *finis* обычно равнялась 5—6 *pedes*⁴, между тем как ширина самых узких *limes* и ширина *rigores*, как мы видели, была равна 8 *pedes*. По словам Гигина, «*hanc latitudinem vel iter ad culturas accedentium occupat, vel circumactus aratri*» (Hug., 126, 4, ср. 127, 13). Для устройства *finis* от каждого из двух смежных участков отрезалось по $2\frac{1}{2}$ или по 3 *pedes* (Sic. Fl., 144, 18), причем пространство это обычно засаживалось деревьями⁵. Землемеры зорко следили за тем, чтобы *fines* не уничтожались ни при каких условиях, и всякие попытки соседей запахивать пограничные рубежи строго ими преследовались (Sic. Fl., 152, 1). Между прочим отметим, что Доппш, упоминая о *fines*⁶, замечает, что ему неизвестно, были ли эти *fines* простыми линиями, или известной ширины рубежами. Мы видели, однако, что землемеры определенно говорят об установленной издавна ширине *fines* (в 5 или 6 *pedes*), подчеркивая также, что они служили проселочными дорогами, правда, открытыми не для всех, а только для соседей⁷. И уже одно наличие этих засаженных деревьями *fines*, отделявших друг от друга соседние участки (как бы они ни дробились), решительно говорит против существования открытых полей и наличия *Flurzwang'a* в римском *ager divisus et assignatus*. В своем стрем-

¹ D o p p s c h, op. cit., I², стр. 342.

² H u g., 121, 1. Ср. S i c. F l., 158, 22.

³ С м. F r o n t., 41, 26. S i c. F l., 145, 19.

⁴ A g g. U r b., 12, 12. H u g., 126, 3; также 128, 13.

⁵ H u g., 127, 18. Ср. 126, 9; 130, 20.

⁶ D o p p s c h, op. cit., I², стр. 335.

⁷ С м. в «Lib. coloniarum» частые выражения: «*iter populo non debetur*»; С м. S i c. F l., 146, 22.

лении доказать наличие в римской деревне чересполосицы с геваннами Доппи между прочим ссылается на следующее место из Сикула Флакка: «Praeterea et in multis regionibus comperimus quosdam possessores non continuas habere terras, sed particulas quasdam in diversis locis, intervenientibus complurium possessionibus; propter quod etiam complures vicinales viae sint, ut unusquisque possit ad particulas suas jure pervenire»¹.

Доппи не уяснил себе того обстоятельства, что в приведенном пассаже Сикул Флакк говорит об особом рода полях, именно *agri occupatorii*, которые предоставлялись захвату каждого желающего, и притом в размерах, исключительно определяемых настоящими или будущими потребностями оккупантов (*Sic. Fl.*, 138, 13). Земли эти числились *arcifinii*, т. е. не подвергавшимися официальному измерению и разделу, и не заносились поэтому на официальные планы (*ibid.*, 138, 11). Оккупанты могли составлять планы свои владений частным образом (*ibid.*, 138, 15), но эти планы не имели официального значения и не могли служить доказательством прав на владение. Границы оккупанты устанавливали по своему усмотрению (*ibid.*, 138, 18) и иногда имели землю чересполосно с соседями, так как захватывали ее беспорядочно, где кому вздумается. Но опять-таки это такая чересполосица, которая ничего общего с геваннами и *Flurzwang*'ом не имела, так как наличие проселочных дорог давало возможность каждому оккупанту *ad particulas suas jure pervenire*. Таким образом, смысл приведенного пассажа Сикула Флакка тот, что отсутствие правильного межевания на *agri occupatorii* и беспорядочный их захват оккупантами создавали чересполосицу и делали необходимым устройство целой сети проселочных дорог, содержание которых лежало на обязанности самих землевладельцев (*Sic. Fl.*, 146, 6).

С течением времени количество *agri occupatorii* все более и более уменьшалось, так как они постепенно подвергались официальному межеванию и разделу (для вывода колоний, раздачи их «по мужам» и для продажи), и в императорский период эти земли почти исчезли. Но и оставшиеся, надо думать, стали подвергаться правильному межеванию для сдачи их в аренду цензорами². Что касается земель, захваченных ранее оккупантами, то в «*Lib. coloniarum*» (211,6) отчетливо говорится о том, что и они впоследствии подверглись межеванию и ассигнировались оккупантам—в том размере, в каком последние ими уже владели.

В конце концов мы должны решительно стать на сторону тех исследователей, которые утверждают, что на римском *ager divisus* поселенцам всегда и неизменно отводились сплошные владения. Гигин прямо говорит, что землемеры уничтожали разбросанность владений там, где она была, и что на размежеванном поле «*continuae possessiones et adsignantur et redduntur*». Иначе, по Гигину, и быть не могло, так как практика сплошных владений обуславливалась, по его мнению, простыми соображениями здравого смысла (*Hug.*, 130, 4). Между прочим Гигин сообщает об одном землемере, который при отводе земель ветеранам в Паннонии при Траяне обозначал на плане не только владения каждого, но и внешние границы этих владений, а также длину и ширину их (*Hug.*, 121, 7). Из этого пассажа ясно видно, что одобряемый Гигином землемер отводил поселенцам участки в одном месте, сплошными кусками, ибо как иначе мог он помечать внешние границы каждого участка, с обозначением длины и ширины его? Самый способ обозначения владения на плане, где, по Гигину указывали «*fundum illum, jugera tot, in singulis jugeribus tantum*» (*Hug.*, 132, 14), определенно говорит за сплошной характер владения, так как согласно этому способу

¹ «*Corpus agrimensorum. Rom.*», 116, 6.

² См. В а и д о и н, *op. cit.*, стр. 425 сл.

обозначения *fundus* мыслился целиком лежавшим в одном месте. Следует сопоставить с этим способом обозначения *fundus*'а сохранный нам Ульпианом *forma censualis*, т. е. официальный образец декларации, которую давали со времен Августа провинциальные собственники агентам ценза. «*Forma censuali cavetur, — читаем мы у Ульпиана, — ut agri sic in censum referantur: nomen fundi cujusque, et in qua civitate, et in quo pago sit; et quos duos vicinos proximos habeat*» (Dig., L, 15, 4 pr.) и т. д. Опять-таки *forma censualis* подразумевает владения, состоящие из земель разных культур, лежащих компактными массами в одном месте. Со всеми этими данными как нельзя лучше согласуются данные так наз. *casae litterarum*. Как ни испорчены эти *casae litterarum*, представляющие собой нечто вроде отрывков из старых полиптихов, составленных согласно древним *formae*, все же они определенно рисуют нам сплошные владения. Эти владения обнимают разные культуры (поля, виноградники, луга), лежащие в одной меже, причем иногда прямо говорится, что «*quattuor limites fundum continent*»¹. Допш утверждает, что чересполосицы с геваннами появились в Риме в результате подвижности земельной собственности, нарушившей первоначальное имущественное равенство². По этому поводу надо сказать, что отчуждения частей участков, конечно, были, и о них определенно говорят землемеры, но такая подвижность земельной собственности отнюдь не нарушала общего принципа замкнутости отдельных владений. Гигин, говоря о наделении землей ветеранов в Самниуме при Веспасиане, замечает, что одни из этих ветеранов после наделения их землей увеличили свои участки куплею, другие же, наоборот, уменьшили их продажей; однако при всех этих операциях продавцы и покупатели неизменно придерживались естественных границ своих владений, каковыми были дороги, реки и прочее³. Гигин ничего ненормального в этих операциях не находит; и отсюда мы можем заключить, что они не нарушали основных принципов межевания поля в *ager divisus et assignatus*. Гигин лишь сетует, что изменения в составе владений не заносятся в планы, и отмечает, что из-за этого могут возникать неудобства при разрешении земельных споров (Hug., 132, 4). Допш утверждает, что чересполосица могла возникнуть и возникла при дележе отцовского земельного наследства между сыновьями. Но землемеры свидетельствуют, что при дележе участка между наследниками их доли вырезались в сущности по тому же принципу, по какому вырезались отдельные *asserta* при разделе *sortes* между *consortes*⁴. Следует заметить, что при дележе наследства не всегда производился реальный раздел *fundi* между наследниками. Иногда они владели *fundus*'ом *pro indiviso* и в таком случае носил наименование *fundus communis* (Lachmann, 277, 12; 278, 19. Cp. Sic. Fl., 161, 22). Конечно, нельзя представлять себе дело так, что все владения в размежеванном землемерами поле всегда обязательно лежали в одном месте, компактными массами. Без сомнения, чересполосные владения были, и недаром Сикул Флакк, отмечая наблюдавшуюся местами разбросанность частей владений в неразмежеванном *ager occupatorius*, замечает, что и в размежеванном (правда, своеобразным, как мы увидим, способом) *ager quaestorius*—«*emendo vendendoque aliquas particulas ita confuderunt possessores, ut ad occupatorium conditionem reciderint*»⁵. Однако такая *confusio* частей земельных владений, о которой говорит Сикул Флакк, во-первых, была исключительным яв-

¹ См. «*Casae litterarum*» у L a c h m a n n'a, 310—338. См., например, 311, 25; 322, 3; 324, 6; 326, 3; см. выражения «*quattuor limites fundum continent*»—331, 4; 333, 9.

² D o p s c h, op. cit., I³, стр. 342—343.

³ H u g., 131; 17; cp. Sic. Fl., 150, 19.

⁴ См. F r o n t., 40, 5. N i p s i u s, 289, 18.

⁵ H u g., 112, 24; 201, 8; 203, 16.

нием, а не принципом межевания полей, во-вторых, ничего общего с той чересполосицей, о которой говорит Допш, она не имела.

Ager divisus et assignatus распространялся, как уже было сказано, только на культурные почвы, на те почвы, куда, по выражению землемеров, «коса и соха ходили» (*«falx et arater exierit»*)¹. Если встречались внутри подлежавшего *divisio* поля неудобные для обработки и некультурные земли (холмы, болота, леса), они из раздела исключались и ассигнации не подлежали (*Sic. Fl.*, 156, 1), хотя и вносились с обозначением их границ в межевые планы. Это так наз. *loca relicta* (*Front.*, 55, 23). Кроме того прямые линии последних прямоугольников, лежавших на периферии изменяемого поля, обычно не совпадали с границами отмежеванного поля; между этими границами и линиями последних прямоугольников оставались некоторые пустые пространства—так наз. *extraclusa*. «*Ager extraclusus est qui intra finitimam lineam et centurias interjacet, — читаем мы у Фронтин; — ideoque extraclusus, quia ultra limites finitima linea clauditur»*². И *loca relicta* и *extraclusa* носили также наименование отрезной земли, или отрезков,—*subseciva*, т. е. отрезков от подвергнутого *divisio* поля. «*Subseciva est, — говорит Фронтин, — quod a subsecante linea nomen accipit [subsicivum]. Subsicivorum genera sunt duo; unum quod in extremis adsignatorum agrorum finibus centuria expleri non potuit. Aliud genus subsicivorum, quod in mediis adsignationibus et integris centuriis intervenit»*³. «*Subsecivorum diximus hanc condicionem esse factam, — значится у Сикула Флакка, — quod silvae et loca aspera in assignationem non venerunt»* (*Sic. Fl.*, 163, 15). По «*Libri coloniarum*», *subseciva*—это те земли, которые «*in mensuram non venerunt»*⁴. Таким образом, с точки зрения землемерной техники, *subseciva* представляли собой типичный *ager arcifinius*, qui nulla mensura continetur. Впрочем, бывало и так, что в положение *subseciva* попадала и поделенная земля. Это случалось тогда, когда земли оказывалось больше, чем требовалось ее для наделов наличных поселенцев. Тогда поделенная на квадраты и прямоугольники, но не ассигнированная земля числилась *relicta* и попадала в положение *subseciva*⁵. Юридически изъятые из ассигнации *subseciva* оставались собственностью римского народа и прежде всего могли быть использованы как *ager occupatorius*. Фронтин говорит об *extraclusa*, что «*haec plerumque proximi possessores invadunt et opportunitate loci invitati agrum obtinent»*⁶. В большинстве случаев, однако, *subseciva* отдавались в пользование или целым общинам, или же лишь тесному кругу соседей—ближайших собственников. В первом случае возникали *pasua publica communalia* (*Front.*, 48, 23), во втором случае *ager compascuus*. По объяснению Исидора, «*compascuus ager apelatur, qui a divisoribus agrorum relictus est ad pasendum communiter vicinis»* (*Isid.*, *Etym.*, 11, 23). Гигин Громатик говорит, что, когда при выводе колонии оставалась после ассигнации излишняя земля, ее отдавали «*proximis possessoribus... nomine compascuorum»* с тем, чтобы они ее «*in commune haberent»* (*Hug. Grom.*, 201, 13). И у Фронтин мы читаем, что «*haec fere pasua certis personis data sunt depasenda tunc cum agri adsignati sunt»*⁷. В положении *compasua* были не только пастбища в собственном смысле этого слова, но и леса (*Sic. Fl.*, 152, 12). Для юридической природы тех и других характерно то, что принадлежавшее группе соседей право выпаса

¹ «*Corpus agrimensorum Roman.*» (*Hug. Grom.*), 164, 7.

² *Front.*, 8, 7. Ср. *Hug. Grom.*, 198, 12.

³ *Front.*, 6, 5. Ср. *Sic. Fl.* в «*Corpus agrimensorum Roman.*», 120, 3.

⁴ *Lachmann*, 242, 3.

⁵ См. *Sic. Fl.*, 163, 10. Ср. *Hug. Grom.*, 201, 13.

⁶ *Front.*, 56, 9. Ср. *Hug.*, 48, 25.

⁷ *Front.*, 48, 24. Ср. *Sic. Fl.*, 157, 9.

на них, а также право пользования топливом непременно было связано с владением определенным *fundus*ом и от него неотделимо. У Фронтин мы читаем: «*Est et pascuorum proprietas pertinens ad fundos, sed in commune; propter quod ea compascua multis locis in Italia communia appellantur*»¹. Права соседей на *ager compascuus* подлежали судебной защите (Сис. Ног., 12), и в этом смысле *ager compascuus* решительно отличается от *pascua publica*, по отношению к которым частноправовых, процессуально защищаемых притязаний не существовало.

Ager compascuus, который Вебер считает остатком древнеримской альменды², получил в Римской империи большое распространение, особенно после того, как Домициан отдал его в полную собственность оккупантам (Нуг., 111, 5). Права соседей на *ager compascuus* продолжали, однако, все время носить своеобразный характер. С одной стороны, это как бы собственность («*immo proprias quasi vicinorum*», по выражению Сикула Флакка) (Сис. Fl., 152, 13), но с другой стороны, это такая собственность, которая не могла быть выделена в пользу отдельного лица и все время оставалась неделимой в пределах определенного сообщества, будучи нераздельным придатком к *fundis*, принадлежащим членам этого сообщества. Землемеры просто обозначают отношения к *ager compascuus* термином *pro indiviso*, не пытаясь определить ближе и точнее юридическую природу этих отношений и вообще интересуясь ими лишь постольку, поскольку они связаны с эксплуатацией *subseciva*. Заметим, что *ager compascuus* возникал не только в результате оккупации *subseciva*. Известное число лиц могло соединиться для покупки какой-нибудь пустоши (или леса) и связать права на эту пустошь (или лес) с правом собственности на свои *fundis*. Так, *ager compascuus* возникал помимо всякой оккупации в результате частноправовой сделки³. Следует заметить и то, что не всегда, конечно, окружавшие земледельческие поселения леса и пустоши исключались из частной ассигнации. Фронтин определенно говорит, что эти пустоши иногда, как например в *Suessa Augusta*, делились на части и отдавались в собственность соседним *possessores* как своего рода прирезки к их *fundis* (Front., 48, 10). Также и Гигин Громатик замечает, что собственники, получавшие культурную землю, получали в добавление к ней и «*aliquid silvae*». «*Ita fiet,—*продолжает Гигин Громатик,—*ut alii sibi junctas silvas accipiant, alii in montibus ultra quartum forte vicinum*» (Нуг. Grom., 203, 20). Как видим, Гигин Громатик хочет сказать, что в одних случаях ассигнуемые собственникам леса прямо примыкали к их *fundis* и составляли вместе с ним одно сплошное владение, а в других случаях они лежали отдельно от *fundis*. Наконец, сведения об отводе в частную собственность и индивидуальное пользование поселенцев лесных и пастбищных угодий мы находим у Сикула Флакка. «*Comperimus vero,—*говорит этот землемер,—*in aliquibus regionibus et pascua et silvas assignatas esse, adscriptumque in formis ita, illi [et ille tot] silvas et pascua jugera tot*» (Сис. Fl., 163, 17).

Итак, система полей, вскрываемая римской землемерной практикой *divisio et assignatio*, характеризуется, во-первых, компактным расположением входящих в одно владение культурных земель, со свободным доступом на данное владение со стороны общественной или проселочной дороги, во-вторых, наличием своеобразного общего пользования уго-

¹ Front., 15, 4. Ср. Нуг. Grom., 201, 12.

² Weber, op. cit., 122—124.

³ См. об *ager compascuus* и связанных с ним отношениях Voigt, Über die staatsrechtliche possessio und den *ager compascuus* der römischen Republik—Abh. der philol.-hist. Classe d. Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, т. X, 1888, стр. 223 сл. Ср. Blumensack, Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, т. 1, Innsbruck, 1894, стр. 179—181.

дьями, главным образом в виде *ager compascuus*, принадлежавшего группе ближайших к этому *ager compascuus* собственников. Такая система полей давала каждому собственнику возможность вести свое хозяйство на каких угодно началах, не связывая его ни чересполосицей, ни принудительным севооборотом, ни общими выпасами на правом поле, ни какими бы то ни было общинными сервитутами. Она вполне соответствовала системе земледелия римлян, для которой характерна усовершенствованная переложная система, со спорадическим отводом части почвы под многолетний пар, т. е. под выпас. *Ager divisus et assignatus* не допускает общинного хозяйства целой деревни и наличия всего того, что входило в систему древнегерманской марки. Сибом в своей известной работе «The English village community» усиленно подчеркивает то обстоятельство, что при выводе римских колоний и при наделении землей ветеранов «по мужам» могла практиковаться и практиковалась общая запашка земли, наподобие той общей запашки, которая позднее наблюдалась в средневековой Англии. В результате, говорят Сибом, могли существовать такие порядки, при которых известные группы людей были теснейшим образом связаны друг с другом в ведении своего хозяйства¹. Это предположение Сибома, однако, всецело наваяно наблюдениями над позднейшими английскими порядками и не может быть принято, как не обоснованное данными памятников. Единственный элемент общего хозяйствования сельчан на *ager divisus et assignatus*—это общее пользование пастбищами и лесными угодьями, лишь до некоторой степени напоминающее собой общее пользование угодьями в древнегерманской марке. Допш потратил много остроумия на то, чтобы доказать тождественность нераздельного пользования угодьями в древнегерманской марке с отношениями, вытекающими из права пользования *ager compascuus*. Привлекши к стати старую восточную практику ἐπιβολή, Допш попытался объяснить античными влияниями даже такие чисто германские отношения, какие вскрываются титулом «Салической правды» *de migrantibus* и известным эдиктом Хильперика, отменяющим право наследования соседей². Мы не будем останавливаться на разборе всех этих построений Допша, основанных на произвольном и никак документально не оправдываемом сближении разнородных явлений греко-римского и древнегерманского обществ. Отметим еще раз, что римский *ager compascuus* представляет собой явление *sui generis*: отличие его от общего пользования угодьями в древнегерманской марке, между прочим, в том, что он никогда не принадлежал целой деревне, а всегда лишь тесной группе соседей, которые пользовались им *pro indiviso*.

Все описанные выше порядки связаны, как уже было сказано, с *ager divisus*, т. е. с той территорией, которая подвергалась разделу на квадраты или прямоугольники. При других способах межевания, связанных с практикой *ager per extremitatem mensura comprehensus* и *ager arcifinius*, могли возникать другие порядки. Нам поэтому чрезвычайно важно определить, насколько распространена была практика межевания через центуриацию (лимитацию) и скамнацию-стригацию в провинциях Римской империи, в частности в Галлии.

По этому вопросу в исторической литературе существуют разные, иногда прямо противоположные мнения. Виноградов, например, полагал, что римское межевание, имевшее своим результатом *ager divisus et assignatus*, имело чрезвычайно малое распространение в провинциях³. Бодуэн, наоборот, думал, что это межевание получило в провинциях чуть ли не всеобщее распространение.

¹ Seebohm, op. cit., стр. 272 сл.

² Dopsch, op. cit. 1², стр. 366—67.

³ П. Виноградов, Средневековое поместье в Англии, стр. 71.

Рассмотрим применение этой процедуры межевания в провинциальных землях различных категорий. Начнем с *ager publicus*. Известно, что согласно старой римской практике военного захвата часть земель завоеванных провинций подвергалась не только юридической, но и фактической экспроприации в пользу римского народа и обращалась в *ager publicus*. Как италийский, так и провинциальный *ager publicus* мог подвергаться эксплуатации разными способами. Он мог быть отдан поселенцам путем вывода колоний или раздачи земли ветеранам «по мужам», мог быть сдан в аренду путем цензорской *locatio*, мог быть продан квесторами и превратиться таким образом в *ager quaestorius*; наконец, мог оставаться на положении *ager occupatorius*, подлежащего захвату каждого желающего. Чем же являлись с точки зрения римской межевой техники все эти категории *ager publicus*? О землях, отдававшихся поселенцам в результате вывода колоний и ассигнаций «по мужам», мы говорили уже выше. Всюду—и в Италии и в провинциях—эти земли представляли собой *ager divisus et assignatus*. Здесь остается только добавить, что межевание центуриацией и сканнацией, практиковавшееся при наделении землей поселенцев в провинциях, отнюдь не ограничивалось территорией, отдаваемой этим поселенцам. Оно частично распространялось и на земли соседних, туземных собственников, именно на так наз. *agri redditii*. По свидетельству Сикула Флакка, «*vacuae centuriae, quae in assignationem non ceciderant*» при наделении землей римских поселенцев, «*redditae sunt eis ex quorum territorio agri sumpti erant*», т. е. отдавались их старым собственникам, а эти последние возвращенное им «*aut venderunt aut vectigalibus subiecti habuerunt*» (Sic. Fl., 163, 5).

Возвращенные земли заносились на план, причем обозначалось не только то, что было *redditum*, но и то, что было *commutatum pro suo*, так как, замечает Сикул Флакк, «*particulas quasdam agrorum in diversis locis habentes duo quibus agri reddebantur, ut continuam possessionem haberent, modum pro modo secundum bonitatem taxabant*» (Sic. Fl., 155, 11). Мы видим, таким образом, что, возвращая земли их старым владельцам, землемеры, по свидетельству Сикула Флакка, уничтожали чересполосицу там, где она была, создавая всюду в *ager divisus* неизменно с ним связанные *continuae possessiones*. Также и Гигин говорит, что из экспропрированных земель «*sunt aliquibus nominatim redditae possessiones*», с обозначением на межевых планах, «*quantum cuique eorum restitutum sit*» (Hug., 116, 16. Ср. 117, 12). Землемеры подчеркивают, что все порядки на *agri redditii* были те же, что и на *agri assignati*. Между прочим, и здесь некоторые земли попадали в разряд отрезных—*subsiciva*, каковые *subsiciva* обращались в *ager compascuus*. «*In his agris,—читаем мы у Гигина,—et subsiciva sunt. Et aliquando compascua*» (Hug., 117, 18). Эти *compascua* по обыкновению отдавались соседним с ними собственникам и соответствующим образом отмечались на планах (Hug., 116, 25). У Сикула Флакка мы находим любопытное известие о том, что после завоевания землями наделялись путем их *divisio* и *assignatio* не прежние собственники больших латифундий, а зависимое население этих латифундий. «*Cum pulsi sunt populi,—говорит Сикул Флакк,—potestatique qui locupletiorum fuissent latifundi, in cuius agro fuissent plures personae, his divisus et assignatus est*» (Sic. Fl., 161, 6). В результате происходило раздробление больших единых владений. Но бывало и так: «*ut quod pluribus assignatum est ad unum perveniat dominum*», и таким образом «*uni foco territoria complurium acceptarum adtribuuntur*».

Допш¹ и этот текст Сикула Флакка старается привлечь для доказа-

¹ D o p s c h, op. cit., 1^a, стр. 342.

тельства наличия в *ager divisus et assignatus* чересполосицы с конами, хотя он просто говорит, что собственность при возвращении земель в одних случаях дробилась, в других случаях, наоборот, концентрировалась. В общем все приведенные известия об *agri redditi*, лишней раз подтверждая практику установления *continuae possessiones* при центуриации и скамнании, вместе с тем свидетельствуют о том, что вывод колоний и поселения ветеранов в провинциях сопровождалось межеванием и округлением полей не только в черте самих римских поселений, но и во всей прилегавшей к этим поселениям округе.

Обратимся ко второй категории земель *ager publicus*, именно к тем землям, которые сдавались в аренду цензорами. Само собой разумеется, что эти земли предварительно должны были подвергаться измерению. Во многих случаях измерение это, повидимому, представляло собой *mensura per extremitatem*, и притом нередко в туземных мерах¹. В Киренаике, например, бывшие царские земли Птолемея измерялись, по свидетельству Гигина, большими квадратами, каждая сторона которых равнялась 6 тыс. футов (Hug., 122, 17). Несомненно, однако, что при цензорском *locatio* иногда практиковалась центуриация, о которой определенно говорит Гигин², повидимому, также скамнания и стригация. Что касается квесторских земель, то они, по свидетельству землемеров, измерялись и делились на своеобразные малые центурии, именуемые греческим термином *plinthides* или латинским *laterculi*, т. е. кирпичами. Каждый такой «кирпич» представлял собой квадрат, любая сторона которого равнялась 10 актусам. Всего, следовательно, в квадрате было 100 кв. актусов, или 50 югеров³. Надо полагать, что эти пятидесятиюгерные центурии мало чем отличались по своей структуре от больших, в частности их *limites*, которые Сикул Флакк именует то *decumani*, то *rigores* (Sic. Fl., 153, 2), повидимому, как и *limites* центурий, были дорогами и при перекрещиваниях обозначались камнями. Шультен справедливо отметил, что самое название *decumani* как раз прежде всего подходит к *limites* этих пятидесятиюгерных *laterculi*, так как здесь они действительно следуют через промежутки в 10 актусов. Отсюда Шультен делает заключение, что размежевание на небольшие *laterculi* древнее межевания на центурии: вторые, возникнув позднее, чисто механически заимствовали наименования своих *limites* от первых, хотя это наименование уже не соответствовало новым принципам центуриатного межевания⁴. Во времена землемеров классиков *limites* *laterculi*, по свидетельству Сикула Флакка, не отличались таким постоянством, каким отличались *limites* центурий. Они иногда нарушались, и в результате этого *ager quaestorius* возвращался «*ad occupatoriam conditionem*» (Sic. Fl., 153, 4). В «*Libri coloniarum*» дается конкретный пример такого *ager quaestorius*, размежеванного на *laterculi* по 50 югеров каждый («*Lib. colon.*», 253, 17).

Об *agri occupatorii*—этой последней категории *ager publicus*,—мы уже говорили выше. Подчеркнем еще раз, что если вначале *ager occupatorius* представлял собой с точки зрения техники межевания типичный неизменный *ager arcifinius*, то с течением времени он превращался в надельную землю—*ager divisus et assignatus*.

Обратимся к технике межевания провинциальной земли, которая при завоевании не подвергалась фактической экспроприации и оставалась фактической собственностью ее прежних владельцев. Мы имеем в виду ту провинциальную землю, *dominium* (верховная собственность) на кото-

¹ См. Beaudouin, op. cit., стр. 433 сл., 456—457.

² Hug., 116 сл. См. особ. 116, 21. См. к этому Weber, op. cit., 140—141.

³ Hug., 115, 15. Sic. Fl., 152, 23.

⁴ Schulten, op. cit., 8—9.

рую, по выражению Гая, «*populi Romani est vel Caesaris*», провинциальные же собственники «*possessionem tantum vel usufructum habere videntur*» (Gaius, II, 7). Юрисконсулты и землемеры называют эту землю *praedia stipendiaria* или *tributaria* (ibid., II, 21), *stipendiarii fundi* (Front., 36, 3), подчеркивая этим то обстоятельство, что она является всего лишь *ager privatus vectigalisque*, а не *ager privatus optimo jure*, не настоящей полною собственностью по квинтитскому праву. Называя эти земли *vectigalibus subjecti*, Гигин говорит, что при спорах о них следует справляться с *formae*, т. е. с межевыми планами (Hug., 131, 10). Из этих слов Гигина явствует, что провинциальные земли, по крайней мере в известных случаях, размежевывались путем центуриации или скамнции, так как лишь такого рода земли заносились на *forma*. Гигин Громатик, говоря об измерении провинциальных земель и отмечая центуриацию их в Паннонии, не одобряет применения этой практики межевания в провинциях и замечает, что, по его мнению, «*huius soli mensura alia ratione agenda*», так как должно же быть какое-нибудь различие «*inter agrum immunem et vectigalem*» (Hug. Grom., 204, 16). Эта *alia ratio*, которой, по мнению Гигина Громатика, следует держаться при межевании провинциальных земель, вне всякого сомнения, есть стригация и скамнция. Об этом определенно говорит Фронтин. «*Ager per strigas et per scamna divisus et adsignatus*, — читаем мы у Фронтинана, — *est more antiquo in hanc similitudinem, qua in provinciis arva publica coluntur*» (Front., 3, 6). Причем, по объяснению Агг. Урбисуса, под *arva publica* в провинциях Фронтин понимает *privati agri*, платящие *tributa atque vectigalia* (Agg. Urb., 4, 10). Таким образом, точный смысл приведенного пассажа из Фронтинана тот, что *strigatio et scamnatio* есть старинный способ межевания, преимущественно практиковавшийся на провинциальных землях и, конечно, связанный со всеми теми хозяйственными последствиями, которые вытекали из этого способа межевания, т. е. компактностью владений, наличием *subseciva* и *ager comprasciuis*. Конечно, нельзя представлять себе лимитированными по римскому способу все провинциальные земли. Очевидно, что лимитация вводилась постепенно, в связи с романизацией, и прежде всего в провинциях, близких к Италии, Паннонии, южной Галлии, особенно Нарбонской Галлии, которая, как выразился Плиний, «*non est Gallia, est Italia*». В «*Lib. coloniarum*» значителен, что Бальба измерял и заносил на *formae* провинциальные земли¹. Эта практика, конечно, существовала до Бальба и продолжалась после Бальба. Огромную роль в измерении провинциальных земель должен сыграть земельный ценз, введенный при Августе. Подчеркнем особенно то обстоятельство, что ценз простирался исключительно на провинциальные земли, и земельный кадастр, форма которого, т. е. официальный образец декларации, даваемой провинциальными собственниками агентам ценза, сохранена Ульпианом, касался исключительно земель в провинциях. Мы уже отметили особенность этой *forma*. Она предполагает, вне всякого сомнения, компактное расположение измеряемых земель, и это находится в полном соответствии с тем, что нам известно о межевании в провинциях путем скамнции и стригации. В самом деле, *forma censualis* содержит «*nomem fundi cuiusque; et in qua civitate et in quo pago sit; et quos duos vicinos proximos habet. Et id arvom, quod in decem annos proximos satum erit, quot iugerum sit; vinea, quot vites habeat, olivae, quot iugerum et quot arbores habeant*» (Dig., L, 15, 4 pr.) и т. д. Словом, в начале, как видим, обозначается *fundus*, как компактное, лежащее в одной меже и имеющее одни общие границы целое, далее идет перечисление различных культур внутри этого целого. Вна-

¹ «*Lib. coloniarum*»; 239, 15.

чале, надо думать, кадастр в большинстве случаев составлялся просто, со слов самих собственников, а не на основании точных измерений земли по римскому способу, и официальная *forma censualis*, возможно, неоднократно нарушалась, так как земли провинциальных собственников могли, конечно, лежать и не компактною массою. Однако, очевидно, *forma* обычно имела дело с компактными владениями, и когда с течением времени все более и более распространялась для уточнения и проверки местных показаний практика официального межевания и официального измерения (*Hug. Gröm.*, 205, 16) (повидимому, в большинстве случаев, в виде *scampatio* и *strigatio*), землемеры, надо полагать, как и при выводе колоний, стремились, по возможности, всюду уничтожить чересполосицу, где она была, и создать сплошные владения. При этом измерения, надо думать, часто производились на местные меры¹. Некоторые исследователи, как например Бодуэн, полагают, что в императорский период все провинциальные земли подверглись измерению по римскому способу в связи с кадастром², но это едва ли возможно, так как землемерам, очевидно, просто не под силу было выполнить такую колоссальную работу. Да и не везде создавшиеся хозяйственные отношения могли уложиться в официальную *forma censualis*. Но во всяком случае в таких близких к Италии и особенно для нее важных провинциях, как Галлия, в частности южная Галлия, межевание по римскому способу, надо думать, господствовало, и типом этого межевания здесь были скамнация и стригация, частью также центуриация. Во всяком случае после всего вышесказанного не может быть никакого сомнения в том, что на территории южной Галлии римское межевание получило самое широкое распространение. Ясно, конечно, что селившиеся вперемешку с туземным населением в Италии и южной Галлии варвары не могли не принять элементов сложившейся здесь системы полей, тем более, что самый земельный раздел их с туземцами не мог обойтись без содействия землемеров. Нам известно доподлинно, что в V в., т. е. в эпоху поселения в юго-восточной Галлии бургундов, здесь жил и действовал один из известных галло-римских землемеров—*Aggenus Urbicus*, оставивший подробный комментарий к трактату Фронтинуса³. Есть упоминание и о других землемерах в Галлии, помимо *Agg. Urbicus*'а. В Италии при остготах деятельностью землемеров восхищался Кассиодор⁴. В Испании их трактатами еще в VII в. увлекался Исидор. В Италии остатки центуриации уцелели до настоящего времени⁵. Несомненные следы центуриации найдены даже в Германии⁶. Что касается римского земельного кадастра, то он, как известно, продолжал существовать во франкском государстве меровингов, и еще в начале VII в. франкские короли пытались составить, повидимому, с помощью местных землемеров, новые цензовые списки⁷.

Из всего вышесказанного ясно, какое значение имеет выяснение характера системы полей у римлян для понимания хозяйственных отношений римской деревни. Не менее необходимо оно для понимания распорядков деревни средневековой, так как оседавшие на галло-римской территории варвары, особенно селившиеся вперемешку с местными землевладельцами готы и бургунды, не могли, конечно, не воспринять старых порядков галло-римской деревни, и прежде всего порядков, связанных с системой расположения полей и прочих угодий.

¹ *Hug.*, 122, 6, специально о Нарбонской Галлии.

² *Beaudouin*, *op. cit.*, стр. 196—197.

³ *Sm. Guiraud*, *Essai sur l'histoire du droit français*, t. I, 1846, стр. 258—259.

⁴ *Cassiod. Var.*, III, 52.

⁵ *Sm. Schulten*, *op. cit.*, стр. 15 сл.

⁶ *Dopsch*, *op. cit.*, I, стр. 339—340.

⁷ *Sm. Greg. Turon.*, *Historia Franc.*, V, 29; IX, 30. *Fortunat.*, X, 11; *Boretius*, *Capit.*, I, 22.